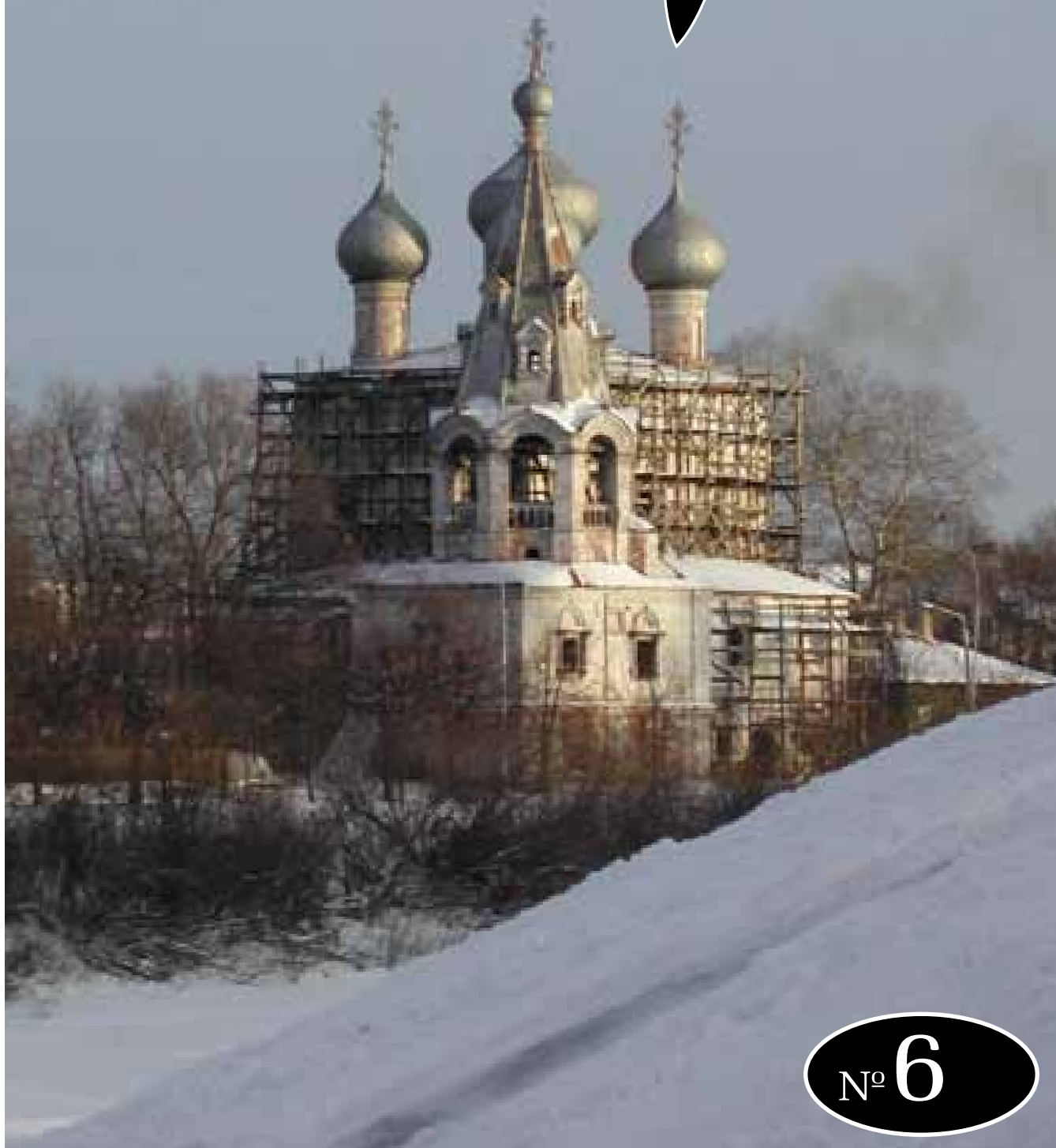
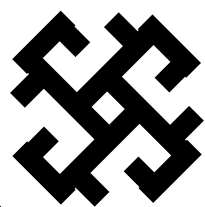

Passager

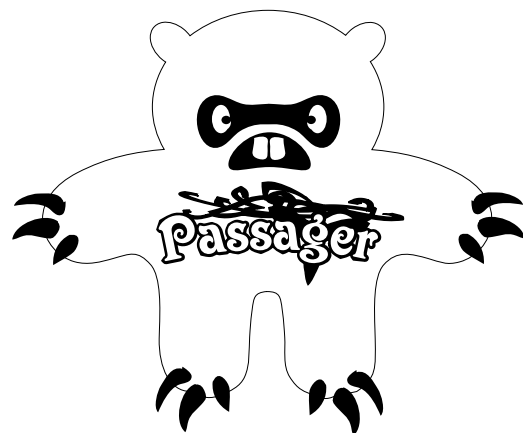
Nº 6

когда пейзаж проплывает мимо

№ 6

www.passager07.narod.ru

КЛАСС^{ик ic} АНДРЕЙ НИКИТИН

Север начинается с Вологды

ТХТ: фрагмент «ЦВЕТOK ПАПОРТНИКА»
1967-70 г.г. изд. «COBETCKИЙ ПИCATEЛЬ» 1980 г.

...Уже тогда я знал, что Север начинается с Вологды. Во всяком случае для меня – ведь у каждого из нас есть своя собственная “география”.

Как, почему так чувствуешь – объяснить трудно. В самом деле, ну что за ориентир? Для южанина север может начинаться с Тулы, Калуги, Рязани; наоборот, для вологжанина или, тем более, архангелогородца – с Мезени, Зимней Золотицы. Но мне всегда казалось, что если бы я отправился на Север, минуя Вологду, как то случилось потом не раз, то до самого Белого моря напрасно искал бы ориентиры и указатели, что именно здесь, а не десятком километров ближе или дальше начинается тот край, который стал так важен для меня в последние годы.

Нет, я не вологжанин, но к этому городу почему-то пристрастен. Мо-

жет быть, причиной стало воспоминание о самой первой поездке на Север, совсем уж далекой, когда на берегу небольшой и неброской северной реки открылся мне город, такой близкий нашей подмосковной провинции и такой в то же время самобытный, что оттиск его оставил на памяти след глубокий и незабываемый...

...Здесь северный лес плотно схвачен в “обло” и “в лапу” срубами, громоздится по берегам штабелями бревен и с реки сквозь улицы, скверы, в раскрытые окна комнат ветер гонит свежий и звонкий запах мокрого дерева.. Влажный, смолистый, свободный, замешав в один настой городскую липу и пьяный багульник с далеких болот, этот ветер пробивается

© 2006 г.

даже сквозь неистребимую приторно-горькую смесь запахов старого вокзала, словно мойщик вползает в вагон, и, почувствовав его, я знаю, что снова попал на Север...

...Изменения наступали на Вологду с окраин, с вокзала, но сам старинный зеленый город пока еще был мало тронут. Он разбежался в стороны тенистыми улицами, кое-где сохранившими дощатые северные тротуары; далеко не везде булыжную мостовую успел скрыть такой же асфальт, как перед вокзалом, где душистая тень цветущих лип, склонявшихся из-за заборов, лежала особенно плотно и черно. Прежними остались палисадники, крылечки с навесами, старые деревянные дома с резьбой, цветами на окнах, с беленькими задернутыми в ранний час занавесочками, с огородами и садами почти в самом центре, где кирпичные кварталы ""присутственных"" мест и магазинов еще не успели окончательно вытеснить деревянный, полудеревенский быт.

Прежней оставалась и вологодская гостиница,

Ее построили с претензией на великолепие и пышность в конце прошлого века, когда от Москвы на Север, через Вологду, к Архангельску потянулась нитка железной дороги, а в городе, казалось, вновь закипела торговая и промышленная жизнь, оборвавшаяся было с постройкой Петербурга. Место гостинице выбрали на краю пустой и унылой площади в официальном центре города, ближе к пристани, чем к вокзалу. Площадь эта сохраняла свой первозданный вид еще в первый мой приезд. С двух сторон ее обступали безликие казенные здания николаевской эпохи, с третьей стороны зеленела купа берез, до половины скрывая церковь Иоанна Предтечи ""что в Роще-

нье""", четвертой же стороны не было – площадь была треугольной. Поднимая пыль, по булыжной мостовой изредка прокатывался редкий автомобиль, чаще грохотали телеги и повозки, и, прикрыв глаза, воображением можно было перенестись почти на сто лет назад, вписав в один из углов площади полосатую будку и сонного будочника, разморенного жаркой тишиной провинциального полдня...

Теперь большую часть площади занимал сквер, несколько домиков снесли и рядом с гостиницей, разом постаревшей и съжившейся, появилось внушительное, по вологодским масштабам, здание Дома связи из стекла и бетона. В центре сквера красовался какой-то аллегорический фонтан, столь же обязательный в те годы, как бесчисленные ""садово-парковые"" скульптуры на обочинах

дорог, но сама гостиница не изменилась, сменив лишь бывшее гордое название ""Золотой якорь"" на ""Северную"". От переименования количество номеров в ней не прибавилось, но она как-то приметно постарела, опустилась, и только лепные украшения на потолке, поблескивавшие из-под слоев побелки былой позолотой, напоминали о лучших временах...

...Для меня начинался первый вологодский день. Впереди были встречи, поиски, разговоры. Надо было успеть побывать в краеведческом музее, в редакции областной газеты, чтобы разузнать о дороге и связаться с Каргополом, куда я не смог дозвониться из Москвы, заглянуть в архив, а главное – заново открыть этот спокойный, величественный город, тайный ритм которого я начал ощущать по дороге с вокзала.

Собираясь в эту необычную экспедицию, мне удалось не только по-

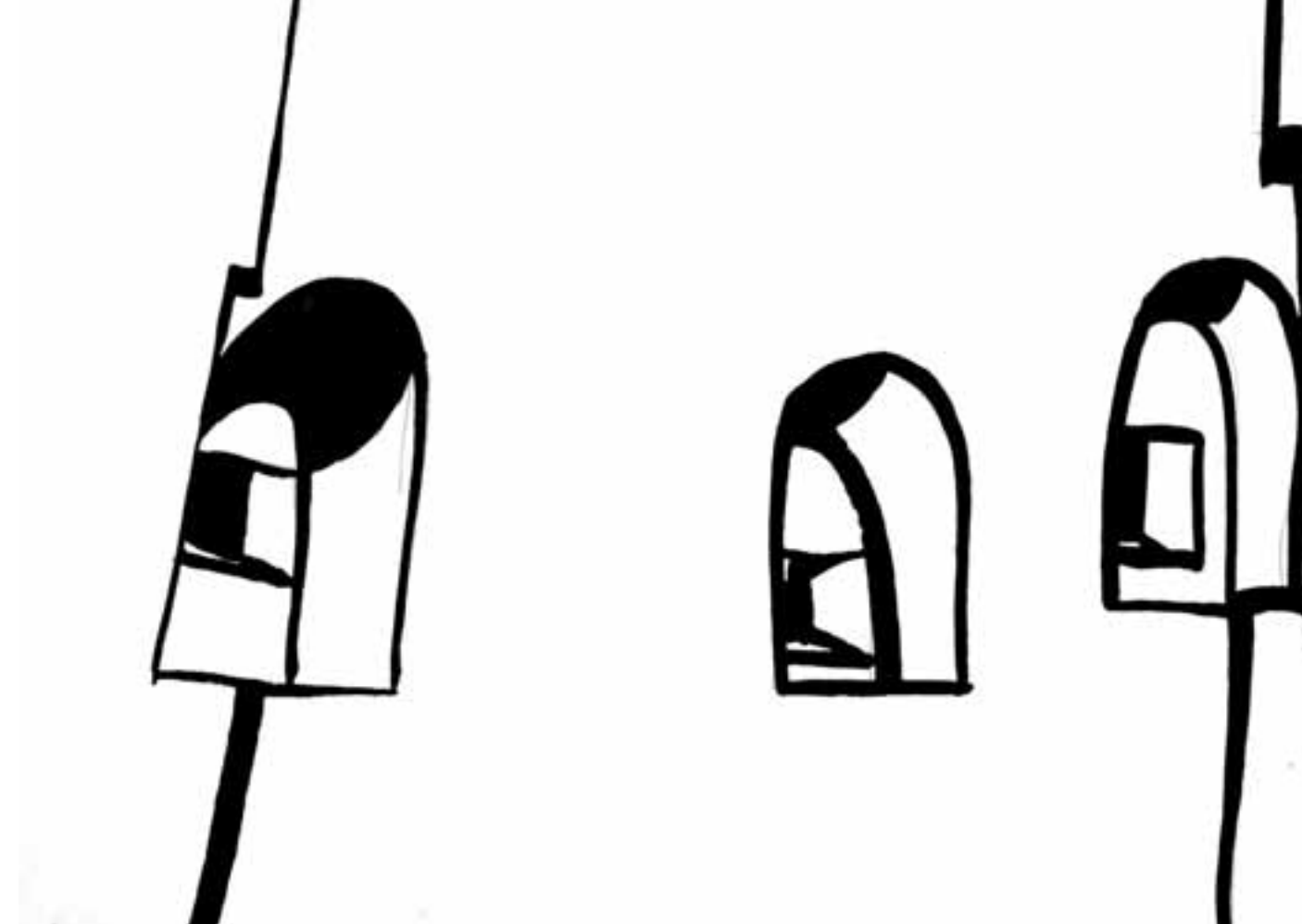
сидеть в библиотеках, но и встретиться с любителями-спелеологами, двое из которых обещали следом за мной приехать в Каргополь: ну, а вдруг-как удастся найти эти самые пещеры? Там, в далеком Каргополе, должна была начаться экспедиция, а пока... Я лежал на гостиничной койке, составляя план, расписывая его мысленно по часам, потом махнул рукой и предоставил все на волю случая.

Оставив ключ дежурной по этажу, я вышел в город. Нет, конечно, Вологда изменилась. Изменение чувствовалось во всем: в обилии машин, в убыстрившемся шаге пешеходов, в чистоте улиц, в чем-то неуловимом, что можно назвать атмосферой жизни. Я проходил мимо открывающихся магазинов, прислушивался к напевному говору вологжан, отмечая появившуюся в их интонациях резкость, отрывистость, скрадывающую прежнюю плавность и мелодичность, которая так поразила меня в первый раз. И только ли го-

вор? То там, то здесь появились бреши в рядах домов, за которыми, пока еще робко, поднимались крыши первых новостроек – ориентиры грядущей перестройки города.

Но лишь свернул я в боковую улочку, идущую параллельно реке, как снова увидел ту ни на что не похожую Вологду, что осталась в моей памяти, которую начинаешь с первых же шагов чувствовать как бы изнутри.

Может быть, это происходит от опыта. Может быть, от того настроения, с которым приезжаешь в такие древние города. Может быть, от самих этих улиц с их высокими, похожими и непохожими в своей красоте и соразмерности деревянными домами, каждый из которых в другом месте значился бы под охраной как памятник вкуса и красоты, оставленный нам от прошедших веков. А здесь это просто жилой дом, один из множеств, составляющих улицы, город. Дом, в котором все так же рождаются, живут и умирают.

рают, куда приглашают на семейные празднества друзей и где хранят альбомы с фотографиями прабабушек и прадедушек.

Удивительное чувство охватывает тебя, когда попадаешь в подобные дома. Порой такие колченогие столики, латаные диваны, высокие, под потолок, трюмо с обколотыми завитушками, сохранившиеся в перестроенных и переустроенных гостиных от прежних времен, так же как печи с кафельными изразцами, да и сам облик домов, в которых они сохранились, говорят о времени и событиях больше, чем люди, живущие в окружении этих вещей.

Когда-то писали летописи. Теперь летописей давно не пишут. Их заменили книги, газеты, фотографии. И невольно, приходя в соприкосновение с прошлым, вспоминаешь Гоголя, который называл архитектуру “вечной летописью мира”.

Вот они, добротные, обширные, обязательно обшитые тесом двухэтаж-

ные дома, украшенные тонкими строчками резьбы, сохранившиеся иногда с конца XVIII века. К ним примыкают параболы внутренних лестниц, иногда галереи; часто сзади или сбоку, над крышами больших каретных сараев, давно уже занятых под дрова, замечаешь два-три маленьких оконца – то ли добавочный этаж, почти третий, то ли антресоли. И – обязательный балкон. Вологда немислима без этих балконов и балкончиков над входом с резьбой перил и тонкими балясинами; балконов, от которых веет испанской экзотикой, столь неуместной, казалось бы, на Русском Севере. А они есть. Больше того, именно они придают особый колорит деревянной столице Севера. Как появились они? Может быть, какой-нибудь француз или итальянец из армии Наполеона, который попал в плен к “этим русским медведям”, остался в городе над синей лентой реки, обвык, обжился, стал своим и внес свой узор в деревянное кружево Вологды?...

... От сорокабашенного города-крепости, каким была когда-то Вологда, остался лишь незасыпанный ров, в котором протекает ручеек Золотухи, да прямоугольники скверов на месте прежних городских стен.

Маленькие ампирные особнячки, обступившие перекрестья улиц, были не столько древними, сколько ветхими. И даже внушительные стены Архиепиевского дома, поднимавшиеся над их крышами, стены с бойницами, башнями, контрфорсами, построены уже в конце семнадцатого века и никогда не выдерживали ни одной осады.

Это были “голодные стены”.

В 1671–1672 годах страшный голод поразил край, в первую очередь окрестные деревни и слободки. Толпы голодных и обездоленных наводнили Вологду. Они стучались в окна домов, заходили во дворы, стояли стеной на папертях церквей, прося хлеба, помощи, крова. Они осаждали лавки торговцев, двор воеводы, дом архиепископа. Вместе с умирающими в город

ползли болезни. Архиепископ Симон писал в Москву: “От великого голодного нестерпимого томительства беды чинятся: матери своих детей в реку и по улицам мечут, а иные сами с детьми своими топятся, и то еще по зимнему пути, а весной что будет?..”

Как всегда – во времена ли татарского ига, опричнины, Смутного времени, – когда требовалась защита и помощь народу русскому, церковь взяла на себя заботу о неимущих. У реки были выстроены бараки, каждый день ‘происходили раздачи хлеба. Но людей требовалось занять работой, хотя бы формальной. И тот же Симон через несколько лет отчитывался перед царями Петром и Иоанном: “А та, Государи, ограда каменная строилась, по воле Всевышнего Бога, в гладное время, небольшой казной, и многие православные христиане работали из хлеба безденежно...” Стены так и остались незавершенными: кончился голод, и строители разбрелись по своим деревням. ...

photo: Валерий МАПИНОВСКИЙ

A photograph of a woman with long dark hair, wearing a white tank top and olive green cargo pants, climbing a rope structure at night. She is looking upwards with a focused expression. The background is dark, and the rope structure is illuminated by a light source.

НАТАША КАДУЛИНА

EDICH, ПРИВЕТ!

Я ТУТ КНИЖКУ ЧИТАЮ: ДЖОНАТАН КЭРРОЛ
«ЗА СТЕНАМИ СОБАЧЬЕГО МУЗЕЯ»

ПРИВОЖУ ЦИТАТУ:

—Вам не хватает безумия?

—Не хватает пребывания в
одержимости.

Она коснулась моего плеча.

—Вы так печально это
сказали. Но я вовсе не
считаю, что ненормальные
люди чем-то одержимы.
Просто их кружит, а они
этого не сознают. Вся
прелесть одержимости
в возможности время от
времени отступить на шаг,
задержать дыхание и видеть,
что вы делали в самом
центре вашего персонального
торнадо.

А настоящие сумасшедшие
такой возможности лишены.

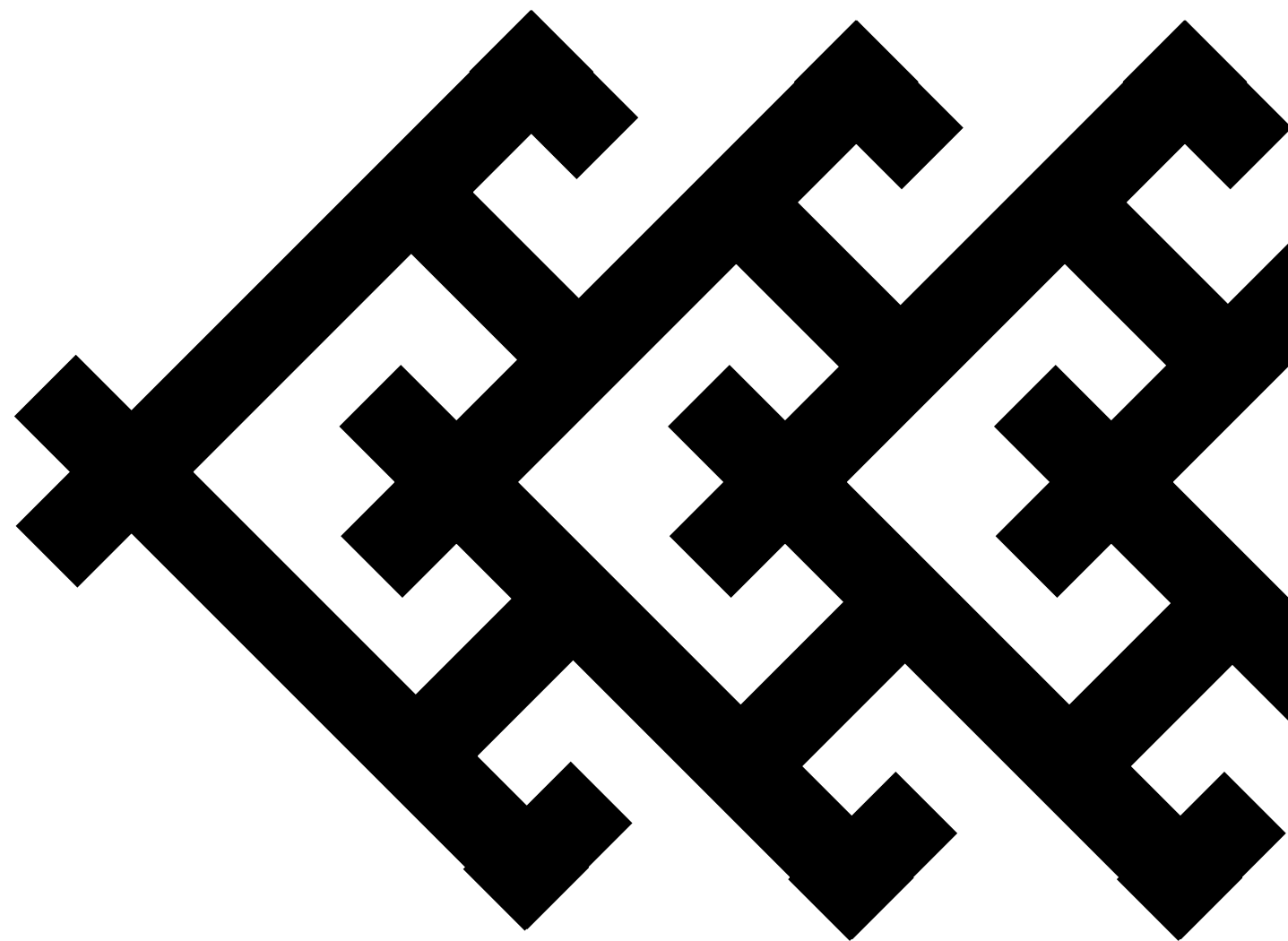
Они кружатся до тех пор,
пока в клубах дыма не
возносятся вверх.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ КНИГИ – АРХИТЕКТОР

ПОЛОТНЯНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Геометрические мотивы северо–русской вышивки присутствуют на полотенцах, поясах, подолах, зарукавиях и оплечиях рубах. Геометрический пласт наиболее архаичен. Многие исследователи считают, что образы вышивки – древнейшие мировоззренческие схемы, уходящие своими корнями в глубину тысячелетий.

псевдо/pseudo TELEGA

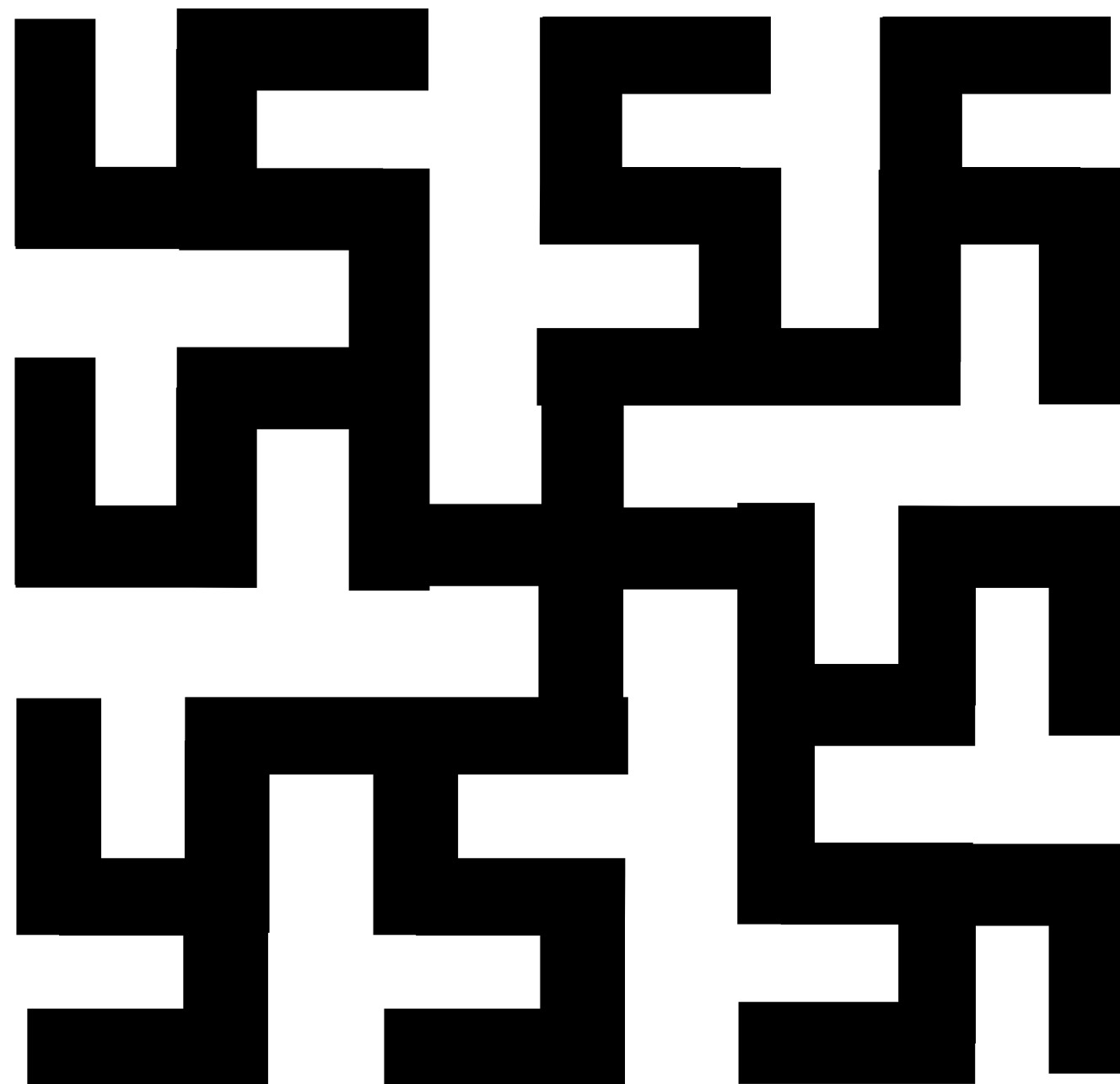

Исключительный интерес представляют коллекции музеев русского Севера, то есть тех мест, где расселялись славяне в IX–X вв. еще до крещения Руси. Здесь не было больших иноязычных этнических групп; отдаленность от государственных центров, относительно мирное существование (Вологодчина в своей северо–западной части практически не знала войн), обилие лесов и защищенность поселений болотами и бездорожьем – все способствовало сохранению и консервации патриархальных форм быта и хозяйства. Следствие этого – сохранение древнейшей символики, закодированной в орнаментах вышивок.

Ромб и ромбический меандр – древнейший орнаментальный мотив народов Евразии.

(По материалам статей Жарникрвой С.В.)

псевдо/pseudo ТЕЛЕГА

Чайка, барабан и самолет

txt: EDICH

Там где я сидел, чайки летают редко. Маленькая речка, заросшие берега. Церквы. Их очень много. Рядом валялся мой велосипед, а я всматривался в пейзаж и делал наброски. Так появилась первая чайка. На рисунке. Она стояла, вытянув шейку. Белая, как окружавшая ее церковная архитектура.

...Вовка стоял по колено в воде. В рюкзаке лежали его кроссовки. Стоял он как-то неуверенно. Я окрикнул его. Он побрел в мою сторону. От нас до берега далеко. Когда он подошел ко мне, я в роли наставника поучал: «Ну что, понял почему здесь залив называют Маркизовой лужой?». В этот момент я был папой, а он моим птенцом. Наши ноги торчали из воды, а вокруг летали чайки.

– А это правда, что чаек в Питере можно встретить на помойке?

–Правда.

–А ты видел?

–Видел.

Я вспомнил, что иногда они бывают такие большие, что даже не помещаются в помойный бак. Возятся там. Шумят.

Двор. Ждем хозяев. Качаюсь на детских качелях, еле влез на сиденье, скоблю ногами песок. Ребенок на скамейке, около песочницы. Он любит бывать в гостях. Вопросы. Ответы. Подарки. Его стихия. На

этот раз ему повезло. Особенно с барабаном. Настоящий. Бамбук, кожа, ракушки, бечева. И с книжкой про чайку по имени Джонатан Ливингстон. Там была еще одна повесть, про двух летчиков.

Вечером, когда улеглись спать, Вовка взялся за Джонатана, а я, после того как он заснул, – за летчиков. Два парня летали на маленьких самолетах в американской глубинке, катали аборигенов и проявляли чудеса летного ремесла. «Мессия в каждом из нас, сколько людей – столько и миров, у каждого из нас свой мир» – так думали летчики.

–Ты куда? – проснулся Вовка.

–Гулять.

–Посмотри на звезды.

–Я в них ничего не понимаю.

–У меня есть карта созвездий. – Подарок бабушки. Детская энциклопедия по астрономии. Его гордость. Прежде мне пришлось перерыть дома книги. Искал для него что-нибудь по астрономии. Нашел. Фейман «Лекции по физике». Фотография автора. Улыбается, сидит, в руках «там-там». «И этот с барабаном!» – я веселился.

Совпадений больше, чем мы думаем. И вот. Я пишу, а по радио звучит «Лунная соната». Думал описать свою прогулку под луной, а вспомнил какой-то бред

из детства, пионерский лагерь. Театр теней, я играл роль Бетховена. Наш постановщик – пионервожатый за фортепиано. Мы стоим за простыней, а по ту сторону зрители, сидят в зале, при свечах. Я выглядывал, видел.

...На Кубенском озере тоже видел луну. Оранжевую. Заяц символ луны. Луна символ жены. Я часто называю ее зайчиком. Солнце – это мужчина.

Ночь была теплая. Ночевали в шалаше. Дедушки соорудили. Они индейцы...

Мой отец был индеец. Все очень просто. Он умеет делать долбленку. Лодка из цельного ствола дерева. Технология следующая. Стволу с внешней стороны придают форму лодки, потом всю поверхность проколачивают березовыми гвоздями, предварительно окрашенными чернилами, и начинают выдалбливать сердцевину. И если при стесывании, покажется окрашенный гвоздь, значит нужная толщина в этом месте достигнута. Потом лодку наполняют водой, и кладут туда раскаленные камни – происходит распаривание древесины, борта постепенно разводят в стороны при помощи системы клиньев. Лодка готова. Плавали на такой лодке стоя, гребя одним веслом. Кто после этого возразит, что он не индеец?

Поехали дальше. Однажды отец приехал в Питер погостить. Вышел прогуляться. Вернулся с пакетом. Оказывается, наш район усеян жасмином и чайной розой, и он как настоящий индеец воспользовался случаем. А когда мы вместе прогуливались по каналам, то плавающих уток воспринимал только как охотничью дичь. Пруды в парке его заинтересовали наличием карасей.

Едем дальше. Но уже на автомобиле, Трасса. По обочинам местные жители продают грибы. Я предложил купить домой на «жареху». Отец взглянул на меня как на полоумка. Остановили машину на опушке леса. Через полчаса у нас был полный хозяйственный пакет грибов.

Зоологический музей – единственный музей в Питере, интересующий индейцев. Второй этаж посещать не обязательно,

крупной дичи там нет – одни насекомые. Но могу и ошибаться, – второй дедушка был пчеловод.

...Утром внуки сидели в резиновой лодке с удочками, вокруг дедушки, по грудь в воде. Знания передавали. Днем начался шторм. От дождя прятались в шалаше, наблюдали за молнией и ветром. Сильные порывы со стороны озера. Рядом чайки. У них здорово получалось! Висели на одном месте! Они летели, но при таком ветре с места не сдвинешься. Когда летящие птицы, создают рисунок траекторией полета, то невольно хочется его прочесть. Эти начертания в небе – письма. Чайки выводили букву за буквой. Вовка нашел случай удобным, чтобы съехидничать: «Джонатан!»

Чаек за лето встретили множество. Самолетов все не было. Нарру end не получался. Слоняясь по комнате, натыкался на старые предметы, рассматривал, крутил в руках. Медная ендова и старинный латунный ковш, заполненные советскими монетами – тоже медными. Бабушка рассказывала, что по праздникам ее заполняли домашним пивом.

Когда нечего делать, я сажусь на велосипед и еду. На этот раз в Прилуки. Покрутившись у монастыря, выбрал направление на Семеновку. Я знал, что где-то там есть старый аэроклуб. Рассказывал приятель, прыгавший с парашюта. Уж замуж не в терпех. Это там же. В учебнике русского языка. На карте окрестностей приметил черные прямоугольники и подпись аэроклуб ДОСААФ. Туда меня и понесло.

Сенокос, яркий летний день. Солнце. Яркий свет между деревьями. Пятилетний плетусь за бабушкой... и вдруг... маленькие самолеты. «Яки» стоят рядком, некоторые без колес. Как чайки, но кончики крыльев и хохолки не черные – красные. Красные волосы, красные перчатки... Под одним из них копошился механик. И поле. Огромное с облаками.

Последний раз я ее встретил в небе, у облака были крылья и клюв. Оно летело в ту сторону, где много живых чаек.

Passager_vlogda_edich_2003.exe

На катере!

Завтрак в 11.00. Посадка на катер в 11.40.

Пиво, сигареты, второй завтрак, ответственный Антоша (патрицианский привкус (Е. С.)).

Плывем. Очень красиво. Боры. Сосны. Нам машут. Навстречу попадают моторные лодки. Пляжи. Песок. Чайки. Опять сосны. Впереди церковь. Это Устье. Облака. Проплывала девушка на надувном круге. Посмотрела в нашу сторону. Простор. Домики. Кругом домики. Лодки по берегам. Очень красиво. На опушке леса полуразвалившийся домик. Сруб. Древний. И тут же церковь на мысе.

Спас-Каменный. Горизонт. Вода сливается с небом. Спас парит. Дельта Кубены. Острова. Очертания облаков повторяют силуэт острова.

Полоса песка. Берег. Купаюсь в облаках. Десять минут назад ныряли,

когда останавливались у острова. Передо мной Юля, она устала. Опирается на перила. Облака отражаются в озере. Фантастические сюжеты.

Прибавили скорость. Полный ход. Сидим, лежим на баке.

– Антон! Антон! – хлопок в ладоши – Сигареты!

У Юли красивые ноги. У Светы тоже. Наташа-зайчик лежит на матрасе. Света пошла на нос. Я пойду туда же, но возьму сигарету. Я этого не пропущу. Подплываем к Спасу.

Кудряшки Димыча. Аккуратная стрижка Антона.

– Закабанел! – бросил Димыч Антону, возможно я не должен это фиксировать.

– Антон! Смотри! – Деня показывает на трап, там надпись « ИСП. 03»

– Восемьдесят килограмм на один погонный метр, четыре человека... – разъясняет капитан.

– Жена у Антона семьдесят! – сказал кто-то. Мне что-то не верить.

– Завтра на работу! Вас сгрузят как дрова!

– Это у вас отдых?! Деня!

– Я ничего такого не сделал!

– Трусые целые! – Антон.

– Меня не устраивает такая ситуация, ты ее создал!

Разворачиваемся. Жизнь, она на земле. Отплываем. Наш капитан. Его полотенце с пальмами.

– Расслабься едем по озеру!

– Бывает же так!

Облака опять напоминают Спас. Вечером проявятся. Сейчас это негатив бледно-голубого цвета. Горизонт сливается с небом.

– Как ты спал? Не слышал?

– Титаник! – это про Сережу. Он стоит на самом носу.

Закончилось. Незабываемо. Тишина-а-а... . Может быть отряхнусь лет через сто.

На кухне

– Мы могли бы остаться на ночь!

– Они безответственные, им пофиг. Взрослые люди по тридцать лет!

– Юля, чудесный день рождения!

– Выйдем на крыльцо и поговорим!

– Вряд ли они выедут рано утром. В шесть вставать.

– Мы хотели остаться сделать баню.

– Утром завтрак, опять на всех готовить! Вот еще!

– Не хватает 290 рублей. Могли бы уже сделать скидку!

– Шпроты откроем к обеду.

– Пошли решать – кто поедет!

– Может позвонить, нужна уверенность на машину.

Сажу на диванчике. Передо мной, в углу, семь пятилитровых пластиковых бутылей из-под воды. Хорошее число. Давно не было такого лета. Погода была замечательной. Девочки после поездки стали серьезнее. В этой жизни все решают женщины. Кузнечики стрекочут в траве. Рядовые работники. Аллилуйя! Филателия!

В машине

Музыка. Девчонки. Едем.

– Жвачки нет ни у кого?

– Сейчас купим!

– Нам нужно купить воды. Кофе есть, сахар есть, картошка есть... Сардельки!

– Точно. На мангале пожарим.

– У них нет ничего?

– Водка есть в холодильнике!

– А пиво?

– Надо бутылок 25.

– Надо на себя покупать!

– Надо еще колы, сухариков!

– Что ты переживаешь!

В магазине

– Я предлагаю молочных сосисок! И сыра! Просто сделать бутерброды.

– А сыр свежий?

– В четверг привезли – уверенным голосом сообщил продавец.

– Сколько нас человек?

– Нас? Десять.

– Хлеб. Пиво.

– Пиво покупай напротив.

– Им можно курить купить, кстати!

– «Slim», пожалуйста!

– Надо им что-нибудь купить!

– Возьми покрепче. «LM». Красный.

Теперь понятно, почему такие стены в кафе у Дени. Ведь рядом они! Ladies! И с них начинается революция. А мы просто кузнечики. Счастье куем!

Passager_kubena_vladimir_2005.exe

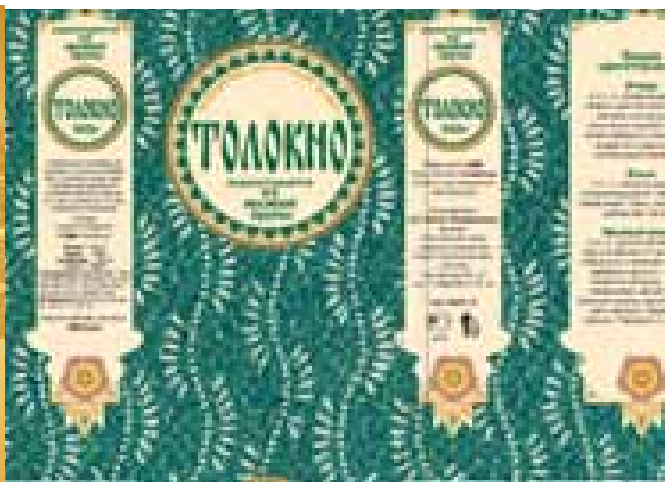

Passager_egypt_2004.exe

SLIDE

шоу
show

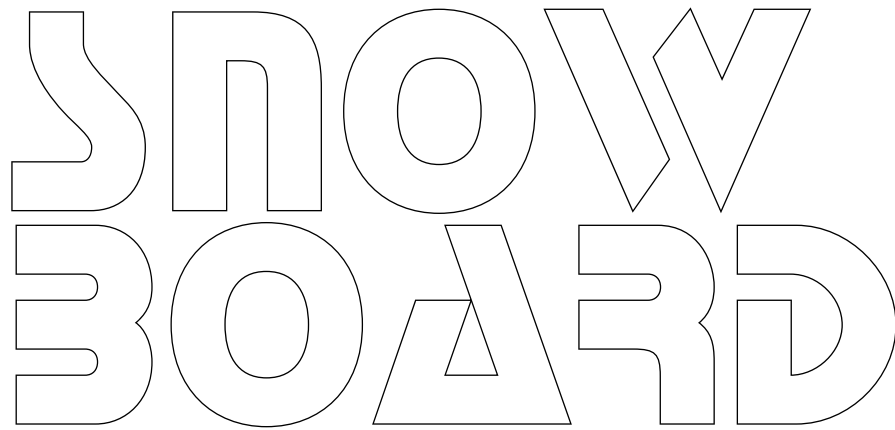

шоу
show

ББЛ (большое—большое лицо)

Можно позавидовать Диме Каиенкову (первый раз на Кавказе) пока были в самолете уверял, что его горами не удивить, у них, мол, в Мурманске СОПКИ, но в такси уже потрясенно молчал.

Смешной

На пятой очереди Мусы – новое кафе. Я и Дима договорились там встретиться. Я еду на креселке, ко мне подсаживается местный джигит. За 15 минут пути он надеется склонить меня к интимным отношениям. Времени мало – 5 минут на комплименты, 5 на рассказ о себе, бизнесе, родственниках, 3 мин на уговоры пойти вечером в сауну – перед финишем:

- кто ты по профессии?
- архитектор
- а откуда?
- из Вологды

Passager_caucasus_kadulina_2004–2005.

–а куда ты сейчас?

–в кафе–стекляшку, меня там друг ждет тут он внезапно сосредотачивается

–друг тоже архитектор?

–да.

Скороговоркой, отчаянно жестикулируя:

–все пропало, все пропало, я же только–что ехал с ним (димой)на подъемнике, я всю вашу компанию знаю, видел в “”мустанге””(кафе), у вас еще один есть, такой С БОЛЬ... Смотритрит на меня, обрывает фразу С БОЛЬШОЙ лысиной, вместо этого – С БОЛЛЛЬшим, БОЛЬШИМ ЛИЦОМ. Вот так у Жени появился новый псевдоним, теперь он ББЛ (большое–большое лицо).

Второй случай

Сижу в кафе “у Зули”(это на четверке), докуриваю. Входят мужчина, девушка и инструктор. Все столы заняты. Говорю:

–садитесь сюда, я сейчас ухожу.

Мужчина садится , снимает шапки (2–3 :-))). Лицо дико знакомое, я начинаю напрягаться. Диалог.

–правильно я сюда приехал? Хотел в Андорру. но друзья сказали здесь лучше горы.

–...(отвечаю, напрягаюсь дальше)

– нормальную я шапку купил? Стоит 100 руб.

– нормальную (тупо смотрю на дурацкую шапку местно–го производства)

– я первый день на лыжах, 2 раза спустился с пятерки, это хороший результат?

– :-0 круто(продолжаю тупить)

Тут в разговор вступает инструктор, он болтает без умолку, я ухожу.

Вечером Диме.

– я сегодня видела одного очень известного человека.

Описываю внешность (прическу, форму бороды), говорю – вроде на Грымова похож. Безуспешно напрягаюсь еще минут 20.

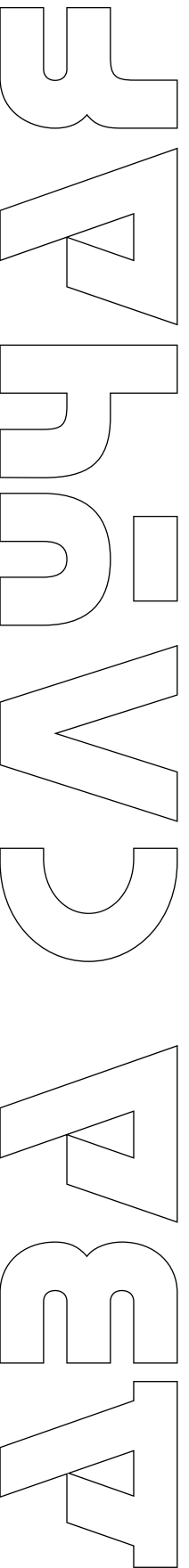
Следующий день.

Опять в том же кафе, то же лицо. Я опять мучительно вспоминаю и уже даже собираюсь пригласить его вечером на нашу отвальную, может представится?

В конце концов, он:

– давайте попросим знакомую девушку нас сфотографировать!

Смотрю в видеоискатель, осеняет – это писатель Владимир Сорокин. Но знакомится уже поздно, у нас завершающий спуск , и отъезд, к тому же ни одной книжки В.С не читала, а из названий помню только “голубое сало”, вдруг обидится.

SAMY рай
rai

Мальчик у реки сидел.
Молча на воду глядел.
Льются струи вешних вод,
Мысль летит струи вперед,
К морю синему плывет.
Так идет за годом год.

Тесно стало здесь ему,
Осмотреть решил страну,
Юность быстро наступила,
Жизнь любовь заполонила.
Льется на душу лексир –
Он готов спасти весь мир!
И разлить свое тепло,
Чтобы стало всем светло.

Мальчик в Армию ушел,
Там друзей он не нашел.
Понял лишь тогда одно –
Взрослым стал уже давно.
Жизнь ввела в водоворот,
Так прошел за годом год.

И истерзанный душой,
Седовласый и больной,
Он к реке пришел родной.
Молча у реки сидит.
На реку старик глядит.
Льются струи летних вод.
Мысль течет воды вперед,
К морю синему плывет.

Рассвет на озере

Тусклый свет над водой пробивается,
На востоке заря начинается.
Рыбаки у костров просыпаются
И на озеро собираются.
Гаснет пламя костров
Только дым из кустов,
Словно шар поднимается.
Звезды тихо с небес вытесняются.
Солнца огненный шар
Грозно вверх запускается
Новый день на земле просыпается.

Горная прогулка

Как степного орла,
Вдаль зовет высота.
По скалистым хребтам,
Да звериным тропам,
Поднимаюсь все выше и выше.
День подходит к концу,
Уж темнеет внизу,
Тучи густо скользят
По заснеженной горной равнине.
Заметают за мной серпантина следы.
В Поднебесье один,
На вершине стою.
Ветер воет в ушах,
Сердца – бешеный ритм, бьется
Будто загнанный зверь,
Цепь и клетку разрушить стремится.
Слышен пульс на висках,
Не послушны становятся ноги.
Беспокоит одно, чтоб не сбиться
С обратной дороги.

По дороге жизни
Мы ощупью прошли,
Часто спотыкались,
Но свой груз везли.

Лямки плечи жали
И болела грудь.
Так сводило горло,
Что даже не вздохнуть.

Колея глубокая
В темноту вела.
Повозка дребезжала,
С пробуксовкой шла.

Груз с повозки сняли,
Сравнили колею.
Но пуста телега
Лежать ей на боку.

Душа зовет в заоблачные дали,
А разум: «Стоп!» – кричит. «Остановись!»
И на распутье трех дорог,
Как в сказках, старый воин,
Склонивши голову, в раздумии стоит:
«Пойдешь налево разум потеряешь,
Направо – голову снесут,
Ступишь прямо – в западню сорвешься
И в подземелье вечность проведешь!»

В лабиринте жизни нет простых решений,
Как не стремись – их слету не найдешь.

Один летит, вздымая пыль крылами,
Путь, заслоняя братьям и себе.
Второй – в сомнениях пребывает,
Барьеры в мыслях создает,
По мелочам переживает,
Решения скоро не найдет.

Гений – тот идет своей дорогой,
На десятилетия, видя впереди.
Друзья ему со всех сторон подпорки,
А он им факел на пути.
И не свернуть ему с большого дела,
Хоть сто столбов, пятсот раздумий!
Ему преградой встанут на пути.

Одинокий домик

За рекой в тумане дикий лес стоит.
На опушке домик трубами дымит.
К домику тропинка по реке идет,
Путника–прохожего в теплоту ведет.
Дверь не запирается, открыты ворота.
Заходите люди, рады вам всегда.
В доме все постирано,
Наскоблены полы.
На столе горячий самовар кипит.
И хозяин с трубкой у окна сидит.
Кисет подаст с махоркой,
Пожалуйста – кури.
И матрац постелет,
предложит – поспи!

стихи ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ

Вывоз сена

Зимним утром на рассвете
Слышим голоса.
Шумно едут мужики
С Верхнего Двора.
Санная дорога
по реке идет
И до сена в ночном
Далеко ведет.
Пегий мерин впереди
Медленно бежит.
А за ним по льду
Весь обоз скользит.
Длинная дорога,
Пять часов пути.
До полудня нужно
К сену подойти.
Нагрузить повозки,
И в обратный путь,
До заката солнца
К ферме возвернуть.
Мороз стоит трескучий,
И заснежен путь.
Лошади все в мыле,
Мужики в поту,
Но они привыкли
к тяжкому труду.

В Вологодской области
Самая большая Сухона река.
От Кубенского озера до Северной Двины,
Ее святые воды спокойно протекли.
В Верхне–Вологодском
Три Водные артерии сходятся в одну.
Вологда и Лежа превращают Сухону
В широкую реку.
Баржи, пароходы здесь очень плотно шли.
С весны до снежной осени, На Восток и Запад,
Ценный груз везли.
Города и села по берегам реки.
И не одно столетье торговые пути,
Пятьсот все километров, по Сухоне и шли.
А в двадцать первом веке
Шоссейные дороги по области прошли.
И основные грузы колесам повезли,
Но воды мирно катят по прежнему пути.
А баржи, пароходы, трудяги–тягачи
В Затон, на потопление, многие ушли.
По реке могучей
На моторных лодках частники идут,
Активно ловят рыбу и стреляют дичь.
Кругом леса, болота,
Десятки километров нехоженной земли –
Свобода браконьерам почти на всем пути.

Хутор

В летнем сумраке чудес,
Луна блистает до небес,
Катятся ряби по воде
И ветхий хутор за рекой
Светится тусклыми огнями.
Ручьи воркуют с двух сторон,
Стекая к югу под уклон.
Там тополь старый зеленеет,
Лес за оградой темнеет,
Где ели сгрудились стеной.
Весь Север заслонив собой,
Холодные потоки не пускают.
Ночь наступила, тишина,
И только скрип корыстыля
Тревожит темноту ночную.

Летний день начинается,
Народ от сна пробуждается.

Пастух на дудочке поет
И стадо за собой ведет.

Косы весело звенят
Траву сочную косят.

Дети рано встают
За грибами в лес идут.

Рыбаки к реке спускаются
За снасти верные принимают.

Топоры в лесу звенят,
Березы на зиму валят.

Коней с пастбища ведут,
Их дела дневные ждут.

Все в движение пришло
Закружилось, ожило.

Сейчас я больше не пишу,
Я на пожарище сижу.
Стучу весь день там молотком,
Хочу назад вернуть свой дом.
И поселиться снова в нем.
Стихия разом все смела
И в разум трещину внесла.
Не жаль трудов и барахла,
Но нет покоя у меня.
С утра до вечера стругаю,
Лишился аппетита, сна.
Лишь только на ночь покидаю
То место, где сирень цвела.
А утром вновь иду туда.
Пока пилую, стучу, строгаю,
Про все несчастья забываю.
Домой вернусь опять она,
Грызет несносная тоска
И нет покоя у меня.

Закончилась война,
сгорели села, в руинах города.
В окрестных деревнях,
пришедшие с войны, солдаты.
С лучевкой, топором
и деревянным рогачем
Творили чудеса.

В глухих борах и дальних лесосеках
Визжали пилы, звенели топоры,
дымились сучья.
Болели, мерзли, голодали
и не жалея своих сил,
Стране дешевый лес давали.

По санному пути
обозы к рекам слали,
И берега тех рек кострами обрастали.
Весной костры в реку катали.
И заготовки от зимы
по рекам отсылали.

Вниз по реке лес гнали сплавщики.
Носили бревна;
заторы, косы разбирали.
И так упорно день за днем
весь лес На верфи доставляли.
С зачисткой вниз харчевня шла
Где и кормили сплавщика.

Десятки лет прошли,
другие поколения подрастали.
А древесину про запас
все также доставляли.
Восстановили городок,
Отстроили деревни
И возвели дороги.

Мазут и газ
частично заменил дрова.
Электромотор
и дизель Пришел на смену паровозу
И не по рекам лес пошел,
А по дорожным трассам.

Музей

Зоологический музей –
В мире нет его крупней,
Там труд заложен всех людей
От дней Петра, до наших дней.
Макеты, шкуры, чучела
От малых птиц до крупного кита.
Все собрано, оформлено, сбережено
И людям на показ дано.

Заполье

Много поколений в Заполье прожили,
За водой студеной на берег ходили.
Там места красивые, широкая река,
Бьют ключи подземные по берегам Колпи.
Зимой не замерзают, летом – холодны.
Молоко парное можно остудить,
Простоквашу на ночь тоже охладить.
Любой прохожий мимо к ключику зайдет,
И воды холодной в меру наберет.

По берегу отлогому бани в ряд стоят,
Трубами в субботу дружно все дымят.
Мужики и женщины, с веникам,
Усталые – к вечеру придут.
Намоются, напарятся, в речку заплывут.
Силы восстановят, укрепится душа,
По домам отправятся, к деревне не спеша.
Так живут селяне больше сотни лет.

Соломенные крыши, шифером, железом
Перекрыли вновь.
Расширилась деревня почти под сто дворов,
Свет и минитехника
прочно в жизнь вошла,
И исчезла лошадь с крестьянского двора.
Пришли другие люди и сменился быт,
Но никто из прадедов ими не забыт.

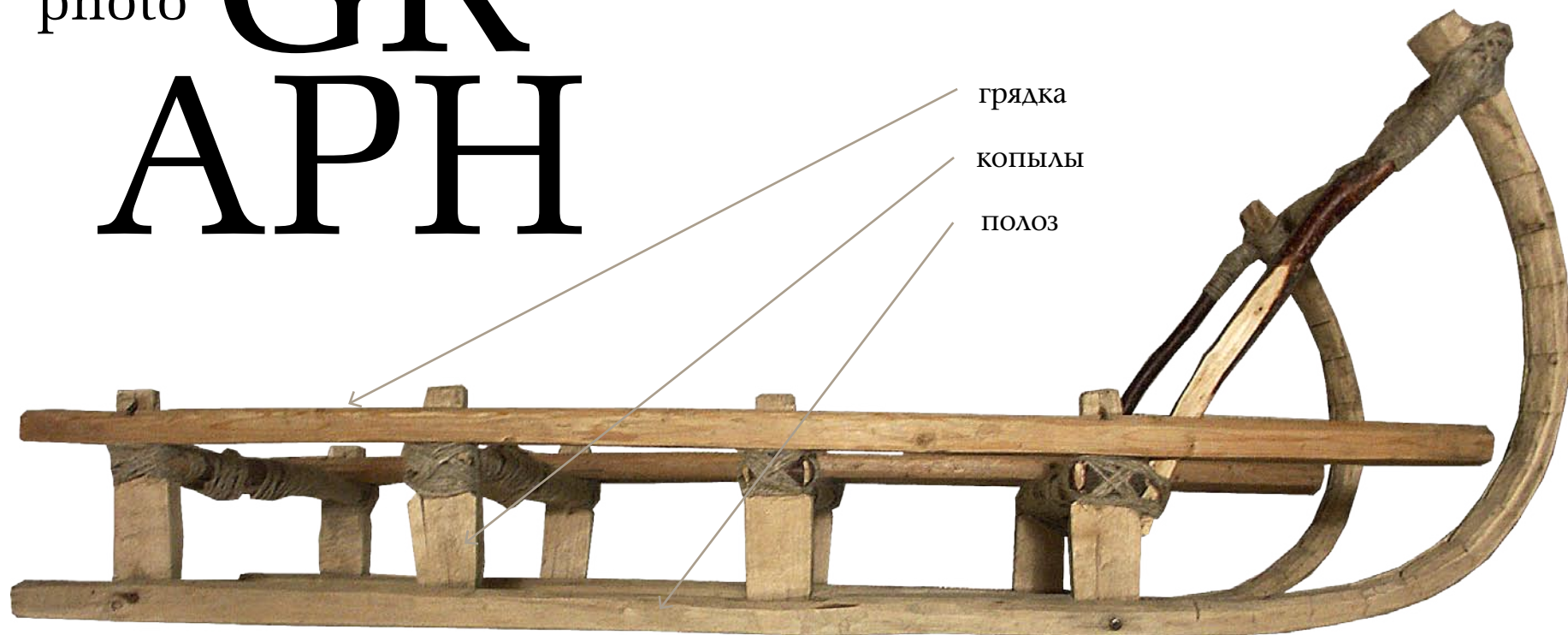
graphic: EDICH

Просеивание черники —
семейный ритуал в период сбора ягод

фото
photo

GRAPH АРН

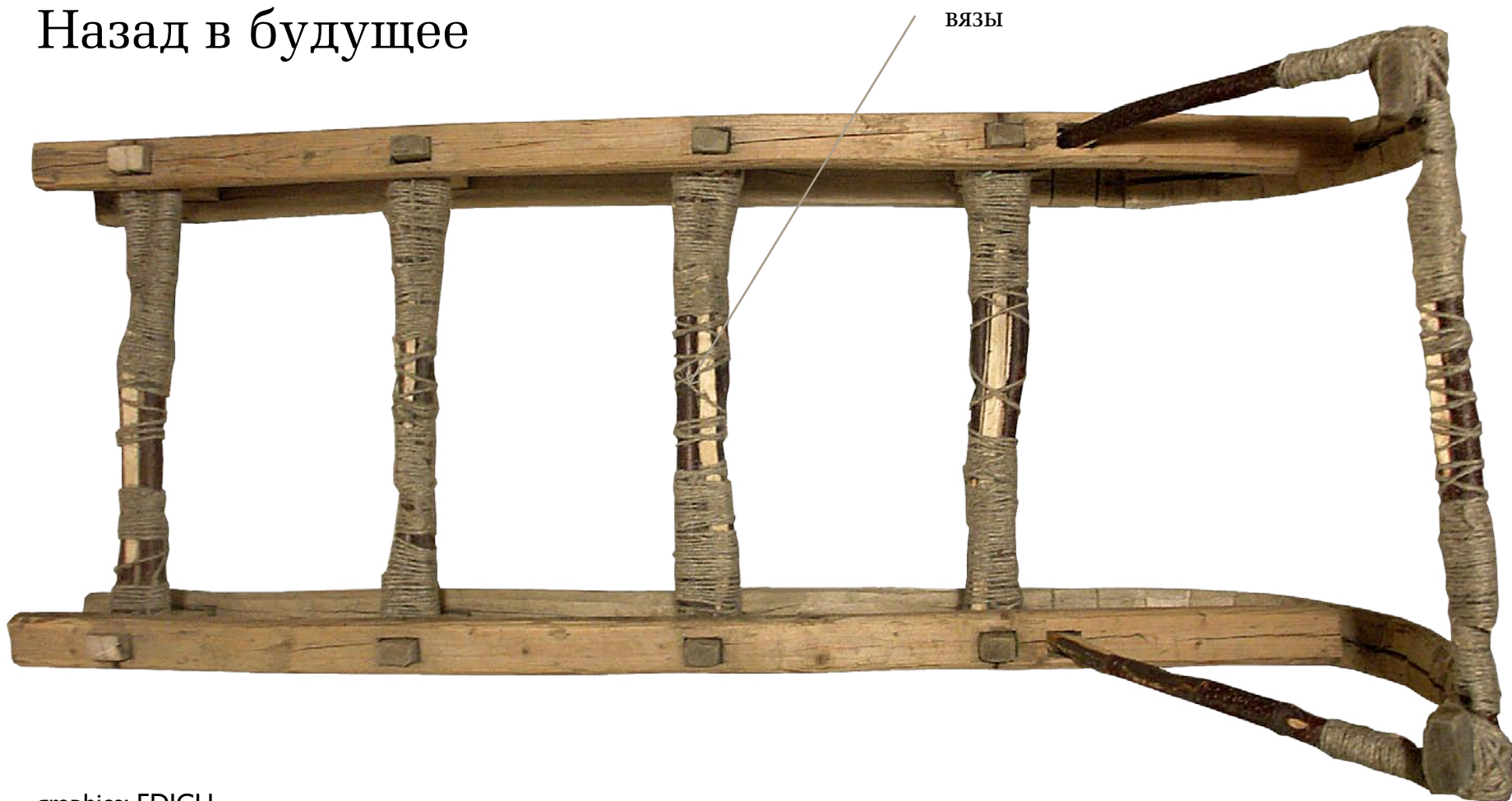

грядка

копылы

полоз

Назад в будущее

вязы

Наиболее интересна конструкция вяза: толстые прутья соединяют копылы между собой. В тех местах, где вязы охватывают копыл, в них делали вырезы. Концы вяза после того как им охватывали два параллельно идущих копыла, связывали лозой, веревкой или сыромятным ремнем.

Назад в будущее

Техническая культура мастеров при выборе материала была очень высокой, они превосходно знали свойства каждой породы.

*бондарные изделия: сосна, дуб, ель
полоз: дуб (реже береза)
лопата: сосна, дуб, ель
точеные сосуды: клен, ясень
ложки: клен*

Пилы изготавливались из стали и термически обрабатывались – закаливались с последующим высоким отпусканием. Профиль полотна и строение зуба лучковых пил были иными, чем у пил ножовок. Зубья односторонние и плоские.

фото
photo

GRAPH

Назад в будущее

Passager_stany_malinovskiy_2005.exe

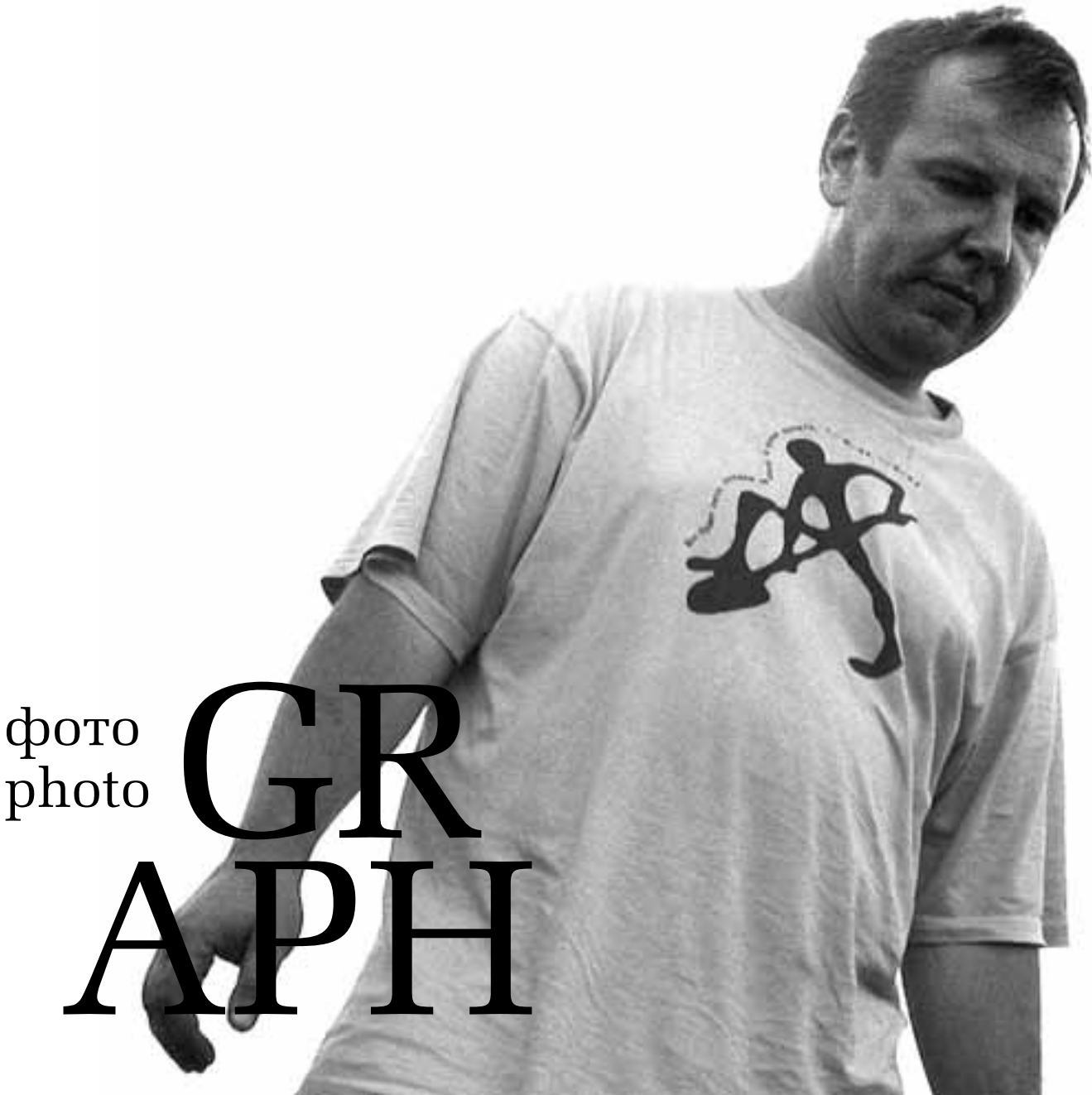

фото
photo GRAPH

photo: Валерий МАЛИНОВСКИЙ

Андрей Козловский Kozlovskiy.m3u

video
sound

ДИОРОГИ

DET ER BARE

ALT for meget

HVIS DE FORVENTER, AT DETTE HÆFTE INDEHOLDER NOGET, TAGER DE GRUELIG FEJL. DET ER PROPPET MED LIGEGYLDIGHEDER SÅSOM PLADEANMELDELSER OG SÅDAN NOGET...

TUEST fan
zine

© afm01.pdf